

Константин Леонтьев

Польская эмиграция на нижнем Дунае



Константин Леонтьев

**Польская эмиграция
на нижнем Дунае**

«Public Domain»

1883

Леонтьев К. Н.

Польская эмиграция на нижнем Дунае / К. Н. Леонтьев — «Public Domain», 1883

"Но иные были поляки в Адрианополе, и иные в Тульче. В Адрианополе были львы и тигры эмиграции; здесь были гиены и шакалы ее. Там было барство военное, «хорошие» польские дворяне на турецкой службе, лихие офицеры Садык-паши, в красных фесках с кистями, шпоры, кривые сабли, красивые лица, красные мундиры, манеры хорошие, положение в обществе видное. Здесь на Дунае – жалкий пролетариат эмиграции, разночинцы какие-то, голодная шляхта, старые сюртуки без пуговиц, оборванные тулупы, худые сапоги, худые лица, неприличный вид. К моему приезду, впрочем, и этого рода поляков осталось в городе немного..."

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Константин Николаевич Леонтьев

Польская эмиграция на нижнем Дунае

I

В отошедшей от нас, по трактату 1856 года, прибрежной части Бессарабии, в городе Измаиле, было довольно скоро после крымской войны учреждено русское консульство. Оно названо только было не консульством, но «агентством» министерства иностранных дел. В Тульче вице-консульство учредили несколько позднее.

Измаил, еще при Суворове столь обильно политый и турецкою, и русскою кровью, и теперь, как и следовало ожидать, снова возвращенный России, – нам невозможно было оставить без внимания. Этот унылый город не менее Тульчи порастил меня своею великороссийскою физиономиею. У пристани австрийского речного парохода (на котором я из Тульчи приехал нарочно, чтобы сделать визит моему милому соседу и сослуживцу, Павлу Степановичу Романенко, императорскому агенту в Измаиле), – у этой австрийской пристани на молдавском берегу меня встретили русские извозчики: в кучерских кафтанах и круглых шляпах, на пролетках, с дугами и пристяжками! На улице, как и в Тульче, попадались мне яркие сарафаны и серые поддевки; собор напомнил мне наш калужский собор и столько других храмов наших, построенных по «казенному» образцу недавней старины, той плохой и безвкусной старины, от которой мы стали постепенно освобождаться только разве с половины царствования государя Николая Павловича. Высокая, круглая, обыкновенная колокольня со шпилем; купол над церковью... Точь-в-точь – Мещовск, Калуга, Юхнов. Бульвар, слишком уже правильный, прямые дорожки, а около этого бульвара – фонари на полосатых деревянных столбах; улицы прямее тульчинских, по плану; невысокие дома, гостинный двор, в лавках кумач на рубашки, которого я давно уже не видал. В соборе служба пополам – на нашем церковном языке и на языке румын, столь карикатурно напоминающем язык Данта и Петрарки! Звон в соборе совсем не такой, как у староверов в Тульче, – этаким прекрасный, величавый, тот самый звон, которому каждый из нас привык внимать с детства с благоговением и вздохом любви даже и тогда, когда ослабела случайно та вера, которая научила нас любить эти многозначительные звуки...

Я помню один мой приезд в Измаил (не первый). Это было в начале зимы, в сумерки; становилось уже холодно; шел густой снег; но падая, он скоро таял; Дунай еще не замерзал, и пароходы ходили. Мы причалили. Я сел на пролетку парю и, осыпаясь снегом, ехал медленно по грязи и смотрел с невыразимым чувством, с любовью, которой я объяснения не в силах дать, на темные, почти безлюдные улицы и светящиеся окна этого тихого «казенного» русского города!.. В соборе ударили ко всенощной...

Через несколько минут я сидел в гостиной у Павла Степаныча... Самовар на столе, печка топится так жарко и приветно... О, родина, родина моя!..

Вообразите – в гостиной по углам, как у нас, две выгнутые полукругом печки и штука-турка даже на стенах полосатая, – желтая полоса и белая!.. Я верить не хотел, что я не у соседа помещика в гостях, а у консула на чужбине!..

После хорошего ужина и доброй, веселой беседы я лег на прекрасную, свежую постель, на голландское белье, и, накрывшись шелковым хозяйским одеялом, спать не стал и не мог... Отчего? Я в первый раз в этот вечер (я его никогда не забуду) раскрыл «Войну и мир».

Раскрыл – и до утра уже заснуть не мог!

И в Тульче я был как будто дома, а в Измаиле еще больше. В турецкой Тульче я видел Русь мужицкую, свободную какую-то; Русь пьяную, очень пьяную, положим, но независимо бытовую, самое себя без всякой внешней помощи охраняющую. В молдавском Измаиле я видел, и

чувствовал, и слышал другую Россию: Россию дворянскую, правильно православную, чиновничью, если хотите. Но я не знаю, которую из них я больше любил!.. Тульчинская, *бытовая* Русь, свободно и с мужицкою небрежностью разбросавшая свои хатки туда и сюда по горе, над рекою, была новее для меня, любопытнее; разлинованная по общегубернскому плану, Россия Измаила была ближе мне, знакомее той... В этой отошедшей тогда (и возвращенной теперь) юго-восточной Бессарабии оставалось много русских людей под румынской властью; большинство их, вероятно, считало свое политическое положение временным; даже многие из молдаван были того же мнения. Кроме того, под румынскую власть перешло довольно много болгарских колоний в Бессарабии, и румыны поспешили лишить их тех особых прав и местных учреждений, которыми одарила их издавна Россия. Болгарские колонисты подчинились весьма неохотно новым, «конституционным» и насильственно с оружием в руках навязанным им молдаво-валашским *порядкам*, и в мое время все вздыхали о русских властях.

Понятно, что еще «полосатые» столбы у бульвара румынские чиновники не успели перекрасить по-своему, как уже широкоплечий мой друг, Романенко, под названием агента министерства иностранных дел, разъезжал величаво по улицам Измаила, в очень хорошей коляске на паре лихих коней, и редкий встречный человек не снимал фуражки, шляпы или бараньей шапки своей при встрече с ним.

На Измаил мы имели прямые претензии; на Тульчу не имели их, и потому в Тульче долго, может быть, не было бы нашего консульского флага, если бы польские эмигранты не вздумали создать в этом городе особого рода революционный очаг.

Помог и Александр Иванович Герцен. Да простит это ему Бог! А я ему все эти неудачные и преступные попытки его прощаю искренно уже за то одно, что он первый сказал печатно: «В России никогда конституции не будет, и средний, умеренный либерализм в ней никогда не пустит корней. Это для России слишком мелко». Последние годы нашей политической жизни доказали, до чего был с этой стороны прозорлив этот человек, во многом другом столь кровно виновный перед нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.